

18+

Хирург, Акушерка, Шарлатан

*Как зарождалась
современная медицина,
или Как выжить
в эпоху Возрождения*

АЛАННА СКЬЮЗ

Захватывающая история... блестящая работа
с источниками и прекрасный юмор
Дэн Джонс, автор бестселлера
«Силы и престолы»

Библиотека повседневности

Аланна Скьюз

**Хирург, акушерка, шарлатан:
Как зарождалась современная
медицина, или Как выжить
в эпоху Возрождения**

«Азбука»

2025

УДК 94(4)+61(091)

ББК 63.3(4)5+5Г

Скьюз А.

Хирург, акушерка, шарлатан: Как зарождалась современная медицина, или Как выжить в эпоху Возрождения / А. Скьюз — «Азбука», 2025 — (Библиотека повседневности)

ISBN 978-5-389-35297-1

Когда зародилась современная медицина? Все знают Авиценну, античные трактаты и рецепты, но в действительности история современной медицины берет начало в эпоху Возрождения. В начале этого пути медицина представляла собой чудовищное зрелище: отсутствие анестезии, нестерильные инструменты, лечение мышьяком и пиявками. По крайней мере, таковы стереотипы о врачах и врачебной практике. Известный историк и специалист по истории медицины Аланна Скьюз доказывает, что реальность была гораздо сложнее. И гораздо интереснее. XVI–XVII века – это время настоящей медицинской революции, когда уличные шарлатаны и знахарки, выращивающие лечебные травы на собственном подоконнике, соседствовали с образованными хирургами, учеными-фармацевтами, создателями первых сложных протезов. Опираясь на такие редкие источники, как личные дневники, рецепты, научные трактаты, Скьюз рассказывает удивительные истории реальных людей – первопроходца фармакологии Николаса Калпепера, бесстрашного чумного доктора Джорджа Томсона, знаменитой повитухи Джейн Шарп, опубликовавшей научный труд об акушерском искусстве. «Это была эпоха, девизом которой стали открытие, исследование, эксперимент и поиск истины – бесконечный и ненасытный» (Аланна Скьюз).

УДК 94(4)+61(091)

ББК 63.3(4)5+5Г

ISBN 978-5-389-35297-1

© Скюз А., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

От автора	9
Действующие лица	10
Пролог	12
Введение	17
Познай себя	17
Взгляд внутрь: анатомия	23
1. Здоровье начинается дома: домашние целители	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Аланна Скъюз
Хирург, акушерка, шарлатан: Как
зарождалась современная медицина,
или Как выжить в эпоху Возрождения

Alanna Skuse

THE SURGEON, THE MIDWIFE, THE QUACK

How to Stay Alive in Renaissance England

Опубликовано с согласия Oneworld Publications Limited и Литературного Агентства
Синописис

© Alanna Skuse, 2025

© Степанова В. В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

* * *

ALANNA SKUSE

The
Surgeon,
The
Midwife,
The
Quack

*How to
Stay Alive
in Renaissance
England*

АЛАННА СКЪЮЗ

Хирург,
Акушерка,
Шарлатан

*Как зарождалась
современная медицина,
или Как выжить
в эпоху Возрождения*

От автора

В зависимости от того, кого вы спросите, эпоха Возрождения в Англии может начинаться в тот или иной момент примерно со второй половины XV века и продолжаться до 1640 года – но я в этой книге начинаю приблизительно с 1580 года и расширяю определение, охватывая весь XVII век. Академическое наименование данного периода – раннее Новое время или, для археологов, постсредневековье, однако ни один из этих терминов не передает истинного блеска той исторической эпохи.

Цитируя старинные тексты, я убрала большую часть орфографических и грамматических особенностей XVII века, за исключением тех, которые были слишком чудесны, чтобы их исправлять.

Действующие лица

Ханна Аллен (ок. 1638–?). Писательница, религиозная неконформистка, женщина, пережившая психическое заболевание.

Роберт Бойль (1627–1691). Англо-ирландский ученый, математик и экспериментатор. Член Королевского общества. Друг и единомышленник Роберта Гука, Маргарет Кавендиш, Ричарда Лоуэра.

Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл (ок. 1623–1673). Писательница, деятельница науки и провокационная личность. В разное время была покровительницей Роберта Бойля, корреспонденткой (или читательницей трудов) сэра Кенелма Дигби, Генри Мора, Франциска ван Гельмонта.

Элизабет Селльер (первое упоминание ок. 1668 – последнее упоминание ок. 1688). «Папская акушерка». Возможно, была знакома с Хью Чемберленом – старшим.

Семья Чемберлен (ок. 1600 – ок. 1730). Династия врачей и акушеров, в числе которых: Питер-старший (1560–1631), Питер-младший (1572–1626), доктор Питер (1601–1683, сын Питера-младшего), Хью-старший (ок. 1630 – ум. после 1720, сын доктора Питера), Хью-младший (1664–1728, сын Хью-старшего).

Хелкия Крук (1576–1648). Врач и анатом, смотритель Бетлемской больницы.

Джон Котта (1575–1627/8). Врач-пуританин и писатель.

Анна Финч, виконтесса Конвей (1631–1679). Философ. Друг Генри Мора, покровительница Франциска ван Гельмонта и Валентина Грейтракса.

Сара Каупер (1644–1720). Леди, автор дневников.

Николас Калпепер (1616–1654). Астролог, аптекарь и врач. Его вдова Алиса встречалась с Джоном Уордом.

Сэр Кенелм Дигби (1603–1665). Придворный и ученый, член Королевского общества. Единомышленник Роберта Бойля, Ричарда Лоуэра, Кристофера Рена, вел переписку с Анной Конвей.

Элизабет Фреке (1641–1714). Мемуаристка и автор сборника домашних лекарственных рецептов.

Валентин Грейтракс (1628–1692). Ирландский религиозный целитель. Пользовался покровительством Анны Конвей, единомышленник Роберта Бойля.

Уильям Гарвей (1578–1657). Врач Карла I, анатом и ученый.

Франциск Меркурий ван Гельмонт (1614–1698). Фламандский алхимик и врач. Сын Яна Баптиста ван Гельмонта. Пользовался покровительством Анны Конвей и Генри Мора.

Ричард Лоуэр (ок. 1631–1691). Ученый, анатом и врач. Член Королевского общества. Друг и единомышленник Роберта Бойля и Кристофера Рена.

Генри Мор (1614–1687). Философ, последователь Платона. Учитель и позднее близкий друг Анны Конвей, покровитель Франциска ван Гельмонта.

Леди Грейс Милдмей (ок. 1552–1620). Мемуаристка и практикующий медик.

Элизабет Окивер (1644–?). Практикующий медик и автор сборника лекарственных рецептов.

Амбруаз Паре (1510–1590). Военный хирург, акушер и врач.

Сэмюэль Пипс (1633–1703). Автор дневников и государственный служащий.

Хью Райдер (годы жизни неизвестны, годы деятельности приблизительно 1670–1700). Военный хирург и придворный хирург Карла II.

Джейн Шарп (ок. 1641 – после 1671). Акушерка и писательница.

Гаспаре Тальякоцци (1545–1599). Итальянский хирург.

Джордж Томсон (ок. 1619–1676). Врач и деятельный противник лечения кровопусканием.

Андреас Везалий (1514–1564). Фламандский анатом и врач.

Томас Викари (ок. 1490–1561). Хирург и врач. Первый глава Компании цирюльников-хирургов.

Джон Уорд (1629–1681). Автор дневников, практикующий медик, викарий церкви в Стратфорде-на-Эйвоне. Был знаком с Ричардом Лоуэром и Робертом Бойлем.

Джон Уэстовер (ок. 1643–1706). Сельский врач и содержатель приюта для душевнобольных.

Джон Вудолл (1570–1643). Военный хирург, предприниматель и дипломат.

Ханна Вулли (ок. 1622 – ок. 1675). Практикующий медик, глава школы для мальчиков и писательница.

Кристофер Рен (1632–1723). Ученый, архитектор, астроном и математик. Один из основателей Королевского общества. Соратник Роберта Бойля и Ричарда Лоуэра.

Пролог

Лондон, Феттер-лейн, 80-е годы XVII века. В одном из домов, зажатых между церковью Святого-Дунстана-на-Западе и канцелярией суда, где занимаются своими обычными делами судебные клерки, лежит умирающий мальчик. Сын адвоката, он, вероятно, прожил здесь всю свою жизнь и успел застать проповеди пуританина Томаса Гудвина в церкви, расположенной выше по улице, и шепотом рассказывал истории о привидениях мальчишкам из торговых лавок на краю дороги, где когда-то стояла виселица. Но год назад он попал под колеса одной из телег, с грохотом несущихся вверх и вниз по переулку, и через некоторое время одна грязная рана на ноге превратилась в одиннадцать зловонных свищей, сочащихся гноем и распространяющих заразу все дальше и дальше. Больного осматривали несколько врачей, но ни один не смог ему помочь. Мальчик лежит, подогнув под себя ногу, его плоть медленно гниет, пятка приросла к ягодице. Гангрена разъедает связки и сухожилия, словно крысы – корабельный таке-лаж, и отсоединившаяся коленная чашечка беспомощно покачивается, как поплавков на волне. В отчаянии мальчик умоляет последнего посетителя дать ему нож, чтобы он мог сам отрезать себе ногу и положить конец своим страданиям.

Остается последний шанс. Потеряв веру в своего врача, родители мальчика обращаются ко второму, третьему, четвертому специалисту и, наконец, находят Хью Райдера, придворного хирурга короля и одного из лучших знатоков своего дела. За время службы на военных кораблях Райдеру доводилось оперировать людей с открытыми травмами черепа и колотыми ранами глубиной в несколько дюймов, но этот случай – один из самых тяжелых на его памяти. Его трогают слезы родных мальчика, и, кроме того, им движет профессиональное любопытство. Вместе с тем он не забывает о своей репутации. Понимая, что операция может окончиться гибелью пациента, он просит местных старейшин навестить ребенка – они смогут засвидетельствовать, что до вмешательства Райдера он уже был на грани смерти. Затем он выжидает еще один день. У матери мальчика начинаются роды, и он опасается, что крики сына навредят ей.

Последняя бусина четок из слоновой кости в виде полустлевшей мужской головы (изготовлена ок. 1500–1520 гг. на территории современной Германии) должна была напоминать владельцу, что смерть всегда рядом. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Наконец можно приступить к ампутации. Мальчик не издает ни звука, когда Райдер режет изогнутым ножом сгнившую плоть, аккуратно рассекает мембрану, покрывающую бедренную кость, а затем пилит кость 30-сантиметровым зазубренным лезвием. Он кричит в голос только тогда, когда к открытой ране прикладывают раскаленное железо. Прижигание – ужасный, но действенный метод: крупные бедренные артерии невозможно зашить достаточно быстро, не допустив смертельной кровопотери. Никто – ни Райдер, ни его пациент, ни семья мальчика –

на самом деле не рассчитывает, что он выживет. Но он выживает. Операцию проводят в понедельник, а когда Райдер возвращается в четверг, культя благополучно заживает, ее розовые края выглядят вполне здоровыми. Через полтора месяца мальчик почти поправляется и готов начать жизнь на костылях.

* * *

История Хью Райдера и его юного пациента показывает, каким ужасом могла обернуться болезнь или травма в Англии в эпоху Возрождения. До появления антисептиков, анестетиков и антибиотиков простой перелом ноги мог закончиться смертью – измученный пациент, не способный никак облегчить свою боль и не имеющий доступа к адекватной медицинской помощи, был обречен медленно угасать неделя за неделей, месяц за месяцем.

Но постойте: что, если взглянуть на эту историю иначе? Родители этого пациента смогли найти Райдера, потому что к концу XVII века в Лондоне было как никогда много практикующих врачей, – по уровню медицинского профессионализма город успешно соперничал с Парижем, Лейденом и Падуйей. Райдер смог провести данную операцию, поскольку его подготовка и годы службы на флоте дали ему огромный практический опыт работы с безнадежными, на первый взгляд, случаями. Опубликовав впоследствии книгу своих наблюдений, Райдер проложил путь для следующего поколения хирургов, пробовавших применять на практике собственные смелые методы лечения. Это история не только о страданиях, но и о сострадании, любознательности и прогрессе.

Сегодня мы воспринимаем эпоху Возрождения как период необычайного расцвета науки и искусства – вспышку молнии, полностью преобразившую историю религии, политики и культуры. Всего за несколько коротких столетий удушающая власть католической церкви в Европе ослабла, книгопечатание впервые сделало книги широко доступными, Английская революция положила конец вере в божественное происхождение королевской власти, а Англия превратилась из бедной родственницы европейской политики в мировую державу. Гении творческой мысли – Уильям Шекспир, Джон Мильтон, Джон Локк и Исаак Ньютон – изменили представления о литературе и философии. И все же на этом залитом светом полотне остается одно темное пятно, деталь мозаики, без которой нам не удастся до конца понять тот яркий, неистовый, изменчивый век. Что делали люди Возрождения, когда им нездоровилось? За кем они посылали, когда получали физические травмы? Что происходило с телом в эпоху, столь благоприятную для души и воображения?

В нашем представлении медицина XVI и XVII веков – это грубые, отсталые методы лечения, мало помогающие измученным пациентам, бесполезные или откровенно ядовитые лекарственные снадобья и врачи, зачастую даже неспособные определить, какую именно болезнь они лечат. Человек, получивший травму руки или ноги, рисковал лишиться всей конечности по милости «пильщика костей», который был немногим лучше мясника, после чего умереть от инфекции или кровопотери. Душевнобольных держали взаперти и побоями принуждали к послушанию. В сводках смертей того периода порой встречаются крайне причудливые болезни. Так, во вторую неделю апреля 1665 года были зафиксированы смерти «от зубов», «от разбухания легких» и «размягчения головы», а также пять случаев просто «внезапной кончины»¹ [1].

Средняя продолжительность жизни в XVI веке составляла всего 40 лет, что объяснялось ужасающе высоким уровнем младенческой смертности (люди, которым удавалось достичь брачного возраста, могли рассчитывать прожить до 50 или 60 лет или даже дольше) [2]. Из

¹ «От зубов» – подразумеваются дети, умершие во время прорезывания зубов, часто от лихорадки. «Разбухание легких» – нарушение дыхания, часто связанное с острым отеком дыхательных путей (круп). «Размягчение головы» – повреждение костей черепа или врожденная деформация черепа. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. авт.*

каждой сотни родившихся детей около 20 умирали, не дожив до пяти лет, и 11 из них – раньше, чем им исполнялся год [3]. Чудовищность тогдашних хирургических операций не поддается описанию, и, поскольку вскрытие туловища живого человека нередко означало для него смертный приговор, многие простые заболевания, такие как аппендицит, оказывались роковыми, а болезни сердца были плохо изучены. В отсутствие антибиотиков и противовирусных препаратов стремительно распространялись инфекционные заболевания. Во время вспышки чумы 1665–1666 годов в Лондоне, по некоторым оценкам, погибло до 100 000 жителей, что составляло пятую часть населения города. Современники описывали горы трупов на телегах и бесконечный похоронный звон церковных колоколов, рассказывали, «как много повсюду несчастных больных – все в стружьях»² [4]. Неудивительно, что состоятельные люди держали при себе безделушки и носили украшения в виде скелетов и черепов как *memento mori*, напоминание о неизбежной смерти. Когда жизнь была так непредсказуема, любой здравомыслящий человек старался заранее подготовиться к отходу в мир иной.

Но даже в те времена заболевшие люди принимались покорно ждать смерти не чаще, чем мы сегодня. Если отвлечься от мрачной общей статистики и взглянуть на истории отдельных людей, то мы увидим пациентов, напряженно боровшихся за жизнь, и врачей, которые всеми силами пытались им помочь. За полтора столетия эти отдельные истории в сумме привели к необычайному расширению медицинских знаний и медицинского рынка и способствовали возникновению процветающей отрасли, в которой были как свои изобретатели и первопроходцы, так и свои шарлатаны с мошенниками. Генрих VIII, родившийся в 1491 году, пришел в мир, где медицина по большей части находилась в руках монахов, монахинь и местных знахарок, исцелявших молитвами и заговорами. Цирюльники и врачи – получившие образование, но никем не контролируемые – были редкостью даже в крупных городах и лечили богатых людей. Но к началу XVIII века, спустя десять монархов и одно царевубийство, заботой о здоровье людей уже занимались самые разные специалисты, от дипломированных врачей и хирургов до акушерок, сиделок, аптекарей, костоправов, зубных лекарей и изготовителей всевозможных домашних снадобий. Проявляя смекалку и силу духа, они успокаивали взволнованные умы, лечили постыдную сыпь, помогали женщинам во время родов и ухаживали за младенцами в опасные первые месяцы жизни. Они могли даже подарить новое лицо человеку, обезображенному травмой или болезнью, дать хромоте возможность снова ходить и помочь бесплодным зачать детей.

Эта книга рассказывает историю удивительных, сомнительных, человеколюбивых и противоречивых медицинских практик и медицинских специалистов, которые играли важную роль в жизни каждого человека эпохи Возрождения и продолжают влиять на наши представления о здоровье и медицине до сих пор. Каждая глава посвящена отдельной группе медиков, но, как всегда в исторических трудах, некоторые группы представлены более основательно, чем другие. Например, дипломированные врачи в этот период составляли относительно небольшую долю всех практикующих медиков, но, будучи грамотными и высокообразованными людьми, они оставили много письменных свидетельств о своей деятельности. С другой стороны, о странствующих торговцах лекарствами написано крайне немного (и сами они также не оставили о себе почти никаких записей), поэтому их пришлось объединить с другими важными, но мало изученными фигурами, такими как костоправы и зубные лекари. Самыми влиятельными и при этом самыми трудноуловимыми участниками медицинского рынка были пациенты, чьи потребности, финансовые возможности, надежды, страхи и отзывы определяли, какие врачи и методы будут процветать, а какие канут в безвестность. Там, где их можно заметить на полях истории, я постаралась вывести их на первый план.

² Перевод А. Ливерганта. – Прим. пер.

Страница из итальянского «интерактивного» анатомического атласа (1539). Листьями отмечен край клапана – подняв его, можно увидеть внутренние органы. The Wellcome Collection

Введение

Познай себя

Что медики эпохи Возрождения знали о человеческом теле? Скажем так – и больше, и меньше, чем мы можем представить. В XVI–XVII веках врачи могли увидеть, что происходит внутри пациента, только вскрыв тело, и до того, как в середине XVII века в моду вошли микроскопы, не имели возможности наблюдать за клетками и микробами. Они знали, что нервы играют крайне важную роль в ощущениях и движении, но не вполне понимали, как именно они работают, и, чтобы восполнить этот пробел, выдвигали сложные, но в целом довольно смутные теории о «жизненных силах» и «летучей крови». Некоторые общепринятые врачебные представления – например, о существовании в женском теле особого сосуда, где кровь превращается в молоко, – опирались не более чем на домыслы и фантазии. Несмотря на все это, медики того времени были внимательными наблюдателями: они подробно зарисовали расположение вен и артерий, описали строение глаза и могли отличить малярийную лихорадку от гриппа, падучую (эпилепсию) от обморока, а доброкачественное новообразование от раковой опухоли.

Что еще важнее, каждое следующее поколение врачей знало больше своих предшественников, поскольку благодаря постоянному совершенствованию книгопечатания они наконец получили доступ к наблюдениям и выводам своих коллег, – дешевые и легкодоступные книги издавались на английском языке, а не на латыни. В дальнейшем это сыграло решающую роль в развитии медицинской отрасли: медики всех специальностей оказались втянуты в череду полемических рассуждений, получив небывалую ранее возможность хвастать своими успехами, спорить и рекламировать свои услуги. Но прежде всего книги знакомили как врачей, так и пациентов с двумя главными направлениями врачебной мысли, определявшими облик медицины в ту эпоху. Первым из них была гуморальная теория, или галенизм. Второе представляла недавно возникшая область исследования – анатомия человека.

Беспокойное тело: четыре гумора,
Четыре гумора царят у нас внутри,
Они подобны четырем стихиям.
Из них два первых тяжелы, мрачны,
Но два других живою радостью полны.
Кровь словно воздух – горяча, влажна,
Желчь желтая – суха и горяча, как пламя,
Слизь – как вода, влажна и холодна,
Желчь черная – земля холодная, сухая [1].

Это довольно нескладное стихотворение, автор которого известен только по имени – Иоаннес, было напечатано в XVI веке в книге «Английский доктор» (The Englishman's Doctor), где все рекомендации относительно питания и здорового образа жизни излагались в стихах. Несмотря на недостатки, стихотворение кратко, но вполне емко описывает уникальную и на удивление интуитивно понятную модель физиологии, способную объяснить нам, почему в XVI и XVII веках врачи рекомендовали, а пациенты принимали лекарства, которые сегодня кажутся бесполезными или даже откровенно вредными. В эпоху Возрождения тело воспринимали как бурлящий котел. В крови каждого человека сталкивались и сосуществовали особые жидкости – гуморы. Каждый из этих четырех гуморов – черная желчь (melancholia), желтая желчь (choler), слизь (flegma) и кровь (sanguine) – обладал особыми свойствами, обусловленными его

положением в квадранте тепла или холода, влаги или сухости и его связью с одной из четырех стихий (земля, воздух, огонь и вода). Все это дает ключ к пониманию логики медицины эпохи Возрождения и к представлениям о здоровье и нездоровье, пронизывавшим все аспекты повседневной жизни людей.

Гуморальная теория была отнюдь не нова. Она существовала уже более 1000 лет – впервые о гуморах написал древнегреческий врач и философ Гиппократ Косский и его последователи, а позднее Клавдий Гален, известный как Гален Пергамский (126–219). И хотя в наше время отцом медицины называют Гиппократа, для читателей эпохи Возрождения настоящей звездой был Гален [2]. Он родился и вырос в Пергаме, на территории современной Турции, в городе, который славился прекрасными храмами и библиотекой, по слухам, уступавшей только великой Александрийской библиотеке. Согласно легенде, Галену было предназначено стать врачом: его отцу было видение, побуждающее отправить сына в медицинскую школу при местном храме исцеления (он назывался асклепион – в честь греческого полубога-врачевателя Асклепия). Однако истинные таланты юного лекаря проявились только после того, как Гален покинул храм и отправился путешествовать по Средиземноморью. В Греции, на Крите, в Египте и на Кипре он наблюдал за вспышками эпидемий и за работой местных целителей. К тому моменту, когда Гален добрался до величественного Рима, он стал убежденным приверженцем нового медицинского принципа: отвергая старые методы в виде обрядов и гаданий, он стремился понять работу организма изнутри. Сначала он проводил вивисекции и анатомические исследования на приматах, но его смущали их лица, слишком похожие на человеческие, и вскоре он переключился на свиней (вполне понятный выбор, который, однако, привел к довольно странным выводам о человеческом теле). В эпоху Возрождения многие анатомические открытия Галена были опровергнуты – но тем не менее то была первая систематическая попытка европейского автора разобраться в физиологии млекопитающих.

Когда врачи Средневековья и эпохи Возрождения обратились к античному миру в поисках новых медицинских идей, именно работы Галена показались им наиболее убедительными. Он словно бы олицетворял собой все, за что почитали Древнюю Грецию и Древний Рим – ушедшие более цивилизованные эпохи. Он был не только врачом, но и прекрасным (и плодовитым) писателем и философом, в трудах которого соединились идеи великих мыслителей – Аристотеля и Платона. Но самое важное – в его теории четырех гуморов каждый мог найти что-то свое. В общих чертах она была достаточно простой, чтобы ее мог понять любой человек, и вместе с тем в деталях была достаточно сложной, чтобы врачи могли сколько угодно изучать ее и спорить о нюансах. Теория Галена гласила, что каждый организм неизбежно имеет собственные предрасположенности, и не обвиняла людей в их слабостях, но в то же время оставляла возможность повлиять на эти предрасположенности с помощью лекарств, диеты и иных внешних факторов. И последнее, но не менее важное – то была целостная система, связывавшая воедино физическое и душевное здоровье. Гуморы определяли не только склонность человека к тем или иным болезням, но и некоторые его личные качества. XVII век ознаменовался появлением новых идей и новых физиологических моделей, но для многих врачей и пациентов авторитет гуморальной теории оставался непревзойденным.

О гуморах упоминали многие научные труды эпохи Возрождения, но одно из самых полных описаний приведено в небольшой работе Джеймса Мэннинга, врача из Нортгемптоншира. Книжка с запоминающимся названием «Твердыня темпераментов» (Complexion's Castle), изданная в 1604 году, через год после коронации Якова I, простым языком объясняла читателям, какова их гуморальная «комплексия» и что с этим следует делать. Знание собственного тела, утверждал Мэннинг, одинаково важно и для душевного, и для физического благополучия. К счастью, гуморальная система была интуитивно понятной. Если вы знали основные свойства четырех гуморов, вам не составляло труда понять, какое действие они оказывают на организм – и как этому можно противостоять.

Первой в списке Мэннинга шла кровь – сангвинический гумор, горячий и влажный. По какой-то не вполне понятной причине эта субстанция не считалась тождественной так называемой «питательной крови» – красной жидкости, в которой передвигались все четыре гумора. Люди сангвинического темперамента, часто молодые мужчины, как правило, отличались бодростью и крепким сложением. У них «белое и румяное» лицо, большие глаза, розовые щеки, рыжие или светлые волосы, «густая и красивая» борода. (Описание этого благоприятного темперамента неслучайно во многом совпадает с описанием внешности представителей тюдоровской династии.) Благодаря избытку влаги они обильно потеют и мочатся, а также обладают превосходным пищеварением. Из-за пристрастия к кулинарным изыскам у них иногда случаются колики, но они меньше подвержены инфекциям, чем представители других темпераментов [3]. Кроме того, они отличаются щедростью и веселым нравом, хотя нередко попадают в неприятности из-за своей любви к вину, женщинам и песням.

За кровью шла слизь (флегма) – холодный и влажный гумор. Флегматичных людей выдают бледность, вялость, замедленность действий и реакций. Их характерные черты, по словам Мэннинга, – «сонный, безучастный» вид, «невзрачные» волосы, почти лишенное растительности тело и «зловонные стопы, особенно после движения». Флегматичные люди «страдают от болей в голове, пояснице, коленях, детородных частях [гениталиях], руках и стопах ног из-за охлаждения флегматических гуморов». Они особенно подвержены респираторным заболеваниям и водянке – застою жидкостей в тканях, способному достигать невероятных размеров. По характеру они «боязливы», малодушны и «робки», однако не скоры на гнев и быстро забывают о своих обидах.

Хотя преобладание в организме холодного и влажного гумора нелучшим образом сказывалось на здоровье, противоположный ему горячий и сухой холерический гумор (желтая желчь) был еще хуже – он притягивал к себе инфекции, впитывая из воздуха влагу, а вместе с ней всякую заразу. Холериков можно узнать по худобе, желтоватой бледности, темным волосам, пронзительному взгляду и резкому голосу. Они жизнерадостны, но вместе с тем вспыльчивы, иногда алчны и ненасытно сластолюбивы. Врач также мог отметить, что у них «густо окрашенная», то есть ярко-желтая, моча и сильный пульс. Холерикам даже в большей степени, чем людям других темпераментов, рекомендовалось следить за состоянием своих гуморов, чтобы избежать подагры, лихорадки и припадков. Все, что дополнительно разогревало тело, – физические упражнения, плотские утехы и определенные виды пищи – представляло реальную опасность «воспламенения» внутренних органов с самыми пагубными последствиями.

Последней в списке Мэннинга шла меланхолия, или черная желчь, – холодный и сухой гумор. Эта медлительная, густая субстанция, напоминающая винный осадок, ползла по венам, охлаждая все на своем пути. Застаиваясь в укромных уголках тела, она провоцировала образование твердых опухолей. При столкновении с огненным холерическим гумором такие закупорки приобретали злокачественный характер, превращаясь в раковые образования, которые вгрызались в человека, словно хищные волки. О преобладании меланхолического гумора говорили худощавое тело, «невзрачные» каштановые или пепельные волосы, «грубая» и бледная кожа. Меланхолический человек медленно двигался, нередко страдал одышкой и приступами слабости. Неудивительно, что такие люди обладали печальным и серьезным нравом, «подолгу пребывали в гневе и не могли забыть неприязнь» и «редко смеялись» [4]. В серьезных случаях этот темперамент мог перерасти в меланхолическое расстройство – состояние, напоминающее клиническую депрессию, самым опасным побочным эффектом которого было самоубийство.

Как следовало из перечня Мэннинга, гуморы были не просто элементом физиологии – в этих четырех жидкостях содержались зачатки личности человека. Такие современные выражения, как *sense of humour* (чувство юмора) или *good-humoured* (благожелательный, добродушный), напрямую связаны с этими идеями, насчитывающими уже 1800 лет. «Темперамент сам

по себе не способен порождать ни добродетель, ни порок, но может наделять склонностью к тому или к другому», – утверждал «Английский доктор» [5]. Гуморы постоянно влияли на эмоции, а эмоции приводили в движение гуморы, но обстоятельства этого вечного взаимодействия оставались загадкой. Томас Райт был ведущим специалистом в данной области, но даже он признавал: «Движения наших страстей скрыты от глаз, а потому их трудно постичь» [6]. Однако он мог строить предположения, опираясь на свое знание людей и их привычек.

Когда человек воспринимал или вспоминал что-либо, утверждал Райт, таинственные «духи» стаей слетались из мозга в сердце, «обозначая» мысль этому органу. Затем сердце начало действовать: чтобы помочь телу заполучить (или удалить от себя) тот предмет, мысль о котором возникла, оно «призывало ему на помощь другие гуморы». В наслаждении преобладали «чистые духи», «в боли и печали много меланхолической крови, в гневе – крови и желчи». Все органы тела направляли гуморы к сердцу, подобно послушным дворянам, склоняющимся перед своим королем. Однако конечный результат их усилий зависел от того, какие гуморы преобладали в теле, ибо «если одного гумора в человеке больше, чем другого, этот гумор посылает больше топлива для питания собственной страсти, и потому она действует в человеке дольше и сильнее». Например, человек меланхолического темперамента мог заметить, что почти неспособен на вспышку гнева даже в ответ на явную провокацию, но по самым незначительным поводам впадает в отчаяние и глубокую печаль [7]. Эти убеждения определяли не только самовосприятие людей, но и то, как они преподносили себя другим. Многие писатели утверждали, что страдают избытком меланхолического гумора. С портрета поэта и проповедника Джона Донна на нас смотрит типичный меланхолик: худощавый человек с густыми темными волосами и печальным взглядом. Донн обладал ярко выраженной тягой к драматизму, и в 1631 году, когда почувствовал (как оказалось, совершенно справедливо), что смерть его близка, заказал изваять свою статую. (Она до сих пор стоит в соборе Святого Павла – один из немногих памятников, переживших Великий пожар 1666 года.) Статуя изображает самого Донна, завернутого в саван, попирающего урну с собственным прахом.

Подобно враждующим божествам, гуморы стремились возобладать друг над другом в человеческом теле. Привести их в согласие было невозможно – едва достигнутое равновесие немедленно снова нарушалось. То, какой именно гумор будет господствовать в том или ином теле, зависело от множества факторов. Некоторые из них – например, национальность, возраст и пол – никак не зависели от самого человека. Природную пылкость испанцев и итальянцев объясняли бурным кипением крови и желтой желчи, а также жарким климатом, избытком плотских утех и привычкой есть много чеснока (вспомните вечно враждующих Монтекки и Капулетти у Шекспира). В маленьких детях от рождения преобладали тепло и влага, но с течением времени эти свойства постепенно терялись, и к старости человек высыхал, как сморщенный плод. Мужчины от природы были горячее и сохраняли это качество на протяжении всей жизни, что объясняло, почему их гениталии расположены снаружи, – чтобы избежать перегрева. Женщины, наоборот, от природы были холодными и влажными, что объясняло их мягкую плоть и более (как утверждали мужчины) медленный ум.

Не менее важными, чем природные данные, были так называемые «неприродные» факторы – условия окружающей среды и внешние обстоятельства, из-за которых соотношение гуморов у разных людей было неодинаковым. К неприродным факторам относились воздух и погода, физические упражнения, выделения (включая половые), сон, диета и «ментальные аффекты» (мысли и эмоции). Практически любое действие и вещество можно было отнести к разряду полезных или вредных. Например, пускание ветров считалось медицинской необходимостью, ведь, «удерживая внутри этот малый порыв ветра, ты наносишь себе немалый вред и привлекаешь множество болезней» [8]. Гигиеничным считалось умывание лица и полоскание рта, но слишком частое купание открывало поры, сквозь которые внутрь могли проникнуть болезни. Физические упражнения, такие как пешие прогулки и верховая езда, приносили

пользу, и пребывание на свежем воздухе в целом считалось благом – однако следовало проявлять осторожность и избегать простуды или, еще хуже, «гнилостного воздуха». Хотя микробной теории предстояло окончательно утвердить свои позиции только в XIX веке, даже заурядные лекари отмечали, что люди по какой-то причине заболевают в одно и то же время в одних и тех же местах. Признаками дурного воздуха могли служить стоячая вода, расплывшиеся лягушки, а также падающие звезды. Врачей и пациентов одинаково встревожили «предзнаменования» сверхновой Кеплера, появившейся в 1604 году, и кометы Галлея, пронесившейся по небу в 1531, 1607 и 1682 годах.

Но самыми обсуждаемыми из неприродных факторов, разумеется, оставались пища и питье – в медицинских научных трудах этим темам были посвящены сотни страниц. Может показаться, что заикленность на питании – феномен XXI века, но и 400 лет назад пациенты точно так же ломали голову над тем, какие продукты лучше выбрать, как оптимально их сочетать и когда употреблять (специи и вино – зимой, легкую пищу – летом). В целом пряные и пикантные блюда разогревали кровь, а значит, увеличивали силу горячей и сухой желтой желчи. Лук, чеснок, сыр, почти все виды красного мяса, потроха, крепкое вино, специи и соль следовало употреблять с осторожностью, поскольку они могли изменить телесную конституцию. Подобная «горячая» пища лучше всего подходила мальчикам-подросткам, которым была необходима для быстрого роста, и пожилым мужчинам, помогая им уравновесить избыток холодных гуморов. Более безопасной альтернативой считались пресноводная рыба, птица, зеленые овощи, яйца и молоко – они увлажняли плоть и охлаждали буйный нрав. Чрезвычайно благотворными признавали сахар и мед, что повсеместно приводило к порче зубов у тех, кто мог регулярно позволить себе эти лакомства. Относительно полезными напитками считались вино (особенно белое) и вода. Дворянка Сара Каупер старалась каждый день выпивать полпинты вина – как женщина в возрасте, она полагала, что это поможет сдержать действие охлаждающих гуморов, со временем начавших преобладать в ее теле. Вопрос о пользе пива оставался спорным, а сидр считали скорее вредным, но не из-за содержания алкоголя, а потому что его готовили из фруктов, которые были в целом вредны и «пагубны для человека» и употреблять которые следовало крайне умеренно [9]. Полезным лакомством для больных был бульон и каудль (caudle) – подогретый напиток из эля или вина, смешанного со специями и яйцами.

Это была вполне стройная теория при условии, что человеку хватало финансовых средств и личной дисциплины, чтобы соблюдать диету, подходящую для его темперамента. Но тогда, как и сейчас, пациенты нередко приводили врачей в ярость своим стремлением побаловать себя любимыми блюдами, не считаясь с последствиями. «Пациенты подобны детям, – жаловался один хирург, – и всегда хотят чего-то бесполезного и вредного» [10]. Ярким примером такого рода был автор дневника XVII века Сэмюэль Пипс – человек, относившийся к своему питанию так же легкомысленно, как и к супружеской верности. В своих заметках он неоднократно описывает, как с удовольствием поглощал в огромных количествах сидр (после чего нередко начинал домогаться одной из своих многострадальных служанок). Однако, когда 9 февраля 1663 года слег в постель с резкой болью в животе и лихорадкой, он поспешил обвинить в своем недуге съеденную накануне «гору данцигских маринованных огурчиков». В качестве лекарства он принимал «венецианскую патоку», или териак, – популярное средство от всех болезней, содержавшее в числе прочих ингредиентов опиум и змеиный яд.

Идея о том, что диета, физические упражнения и окружающая среда влияют на самочувствие человека, может показаться донельзя банальной. Но в мировоззрении людей эпохи Возрождения здоровье тела было неразрывно связано со здоровьем духа, поэтому факторы, регулирующие соотношение гуморов в организме, могли в самом фундаментальном смысле изменить личность человека. Сократив потребление красного мяса, можно было не только унять жар, но и внешне преобразиться, успокоить чувства и обрести ясность мыслей. Более того, это работало и в другую сторону: изменив мысли, вы могли изменить чувства, а вслед за

ними и состояние тела. В 1670 году анонимный автор уверенно заявлял: «Множество наблюдений убеждает нас в том, что рак иногда развивается из-за прекращения ежемесячных визитов (т. е. менструаций), нервного потрясения, сильного горя или несвоевременного кровопускания» [11]. Эмоциональные и физические факторы здесь рассматривались как нечто по сути схожее, производящее одинаковое действие.

Гуморальная теория была чрезвычайно популярной и долговечной и в том или ином виде продолжала существовать более 1500 лет. Она достигла расцвета в эпоху Возрождения, поскольку давала людям возможность лучше узнать себя и беречь здоровье даже в те времена, когда смерть подстерегала на каждом шагу. Да, свободно выбирать продукты питания могли лишь немногие счастливчики, а смена обстановки оставалась привилегией тех, кто был достаточно богат, чтобы иметь жилье как в городе, так и за городом. Но большинство людей «среднего достатка» могли заметить связь между своими настроениями и недугами и своей повседневной жизнью и принять соответствующие меры³. Можно даже утверждать, что забота о собственном здоровье считалась моральным долгом человека: Джеймс Мэннинг в своей типично витиеватой манере предупреждал читателей, что мужчины (или женщины), не заботящиеся о равновесии своих гуморов, находятся в одном шаге от самого отвратительного деяния – самоубийства. «Душа взывает к тебе, дабы ты исправил дурные гуморы, – предупреждал он, – ибо, когда она хочет быть кроткой, тихой и терпеливой, избыток желтой желчи принуждает ее к ярости и мщению. Когда же она хочет бодрствовать и молиться, избыток слизи порождает сонливость и отупение. Также и избыток иных гуморов, а равно их смешение действует на душу самым пагубным образом» [12]. Телесное здоровье Мэннинг считал следующим по важности вопросом после благочестия.

Гуморальную теорию впервые начали критиковать в середине XVII века, а в XVIII веке она постепенно утратила свои позиции. С появлением все более мощных микроскопов ученые, наблюдавшие за жизнью все более мелких миров, переосмысливали свои представления о человеческом теле. Но гуморальная теория сыграла важную роль в медицинской революции XVI–XVII веков, внушив людям веру в то, что их здоровье зависит от них самих. Нередко считают, что люди эпохи Возрождения просто принимали свои болезни как нечто предопределенное свыше. В действительности все обстояло несколько иначе: хотя власть над жизнью и смертью в итоге принадлежала Богу, Бог помогал тем, кто помогал сам себе.

³ В этот период еще не существовало сформировавшегося среднего класса, но росло число квалифицированных рабочих, ремесленников, государственных служащих, торговцев и священнослужителей, свободных и обладавших умеренной покупательной способностью, чьи семьи не принадлежали ни к аристократии, ни к бедноте. Именно их историки называют «людьми среднего достатка».

Взгляд внутрь: анатомия

Как ни странно, гуморальная теория, на которую во многом опиралась медицина раннего Нового времени, не требовала особенно глубоких познаний о человеческом теле. Мужчины и женщины эпохи Возрождения, как правило, были знакомы с кровью и внутренностями намного лучше, чем мы сегодня. Как мы увидим дальше, за больными чаще всего ухаживали дома, а если пациенту предстояла операция, обеспеченные люди предпочитали переживать ее в собственных покоях, вместо того чтобы подвергаться риску в одной из грязных больниц, предназначенных для беднейших слоев общества. Женщины точно так же рожали в домашней обстановке, в окружении родственниц и «кумушек». Люди среднего и низкого достатка видели, как забивают животных и разделяют их туши, и ходили смотреть на медвежью травлю и петушинные бои. Хорошим развлечением для молодого подмастерья в Лондоне могла стать поездка в Саутуорк, где он мог полюбоваться, как два петуха рвут друг друга острыми когтями, затем посмотреть трагедию в расположенном неподалеку театре «Глобус», а вечером, возможно, заглянуть к одной из «винчестерских гусынь» – городских проституток, часто бывавших в этом районе. По дороге домой он мог пройти мимо отрубленных голов предателей, насаженных на пики в конце Лондонского моста. Облитые смолой и ислеканные птицами, они служили мрачным предостережением для всякого, кто затевал мятеж, – а таких людей в то время было предостаточно. Немецкий юрист Пауль Хентцнер, посетивший город в 1596 году, насчитал больше 30 голов [13].

До эпохи Возрождения это был максимум осведомленности о внутреннем устройстве человеческого тела, которым могли похвастать большинство людей, в том числе и врачи. Рассматривая анатомические рисунки эпохи Средневековья, мы замечаем, что они очень красивые... но *очень* странные. Анатомированные фигуры сидят на корточках, широко расставив ноги, и органы представлены в них отдельно, как острова на карте. Они расположены приблизительно на своих местах, но изображение не дает представления о том, как тесно на самом деле они прилегают друг к другу, – как легкие обнимают быющее сердце и как кишечник извивается в замкнутом тесном пространстве брюшной полости. На руках и ногах обозначены крупные кровеносные сосуды, но мы не видим ни тонко прорисованных препарированных рук и кистей, в которых каждое сухожилие соединено с соответствующей костью, ни мозга, укрытого слоями защитных оболочек. Средневековое христианство ценило тело главным образом за то, какие божественные тайны оно могло раскрыть. Итальянская монахиня Кьяра Монтефалько, в конце XIII века лечившая бедняков своей общины, говорила, что Господь живет у нее в сердце. Святые сестры восприняли ее слова буквально и в 1308 году, когда она умерла, немедленно вскрыли ее тело, чтобы заглянуть внутрь. И действительно, на стенках сердца Кьяры они нашли изображение креста, а в ее желчном пузыре обнаружили три камня, символизирующие Святую Троицу [14].

Возьмем для сравнения картину Рембрандта «Урок анатомии доктора Николаса Тульпа», написанную в 1632 году. На ней группа мужчин в черных мантиях и накрахмаленных белых воротниках окружает бледный и обнаженный безымянный труп. Картина породила множество подражаний и пародий – от сценки с начинающими татуировщиками вокруг расписанного татуировками тела до спорного изображения Нельсона Манделы под ножом анатома и еще более сюрреалистичного собрания маппетов, печально взирающих на неподвижную фигуру лягушонка Кермита. Но на оригинальном полотне урок, который дает доктор Тульп, выглядит вполне верно. Он показывает собравшимся ученикам мышцы руки, которые Рембрандт воспроизвел с поразительной точностью, от *flexor digitorum superficialis* до *flexor pollicis longus* [15]. Если Бог и присутствует в этом анатомическом зале, он не оставляет меток на сердце – скорее, направляет руку опытного врача.

Урок анатомии доктора Николаса Тульпа. Копия картины Рембрандта ван Рейна (1600–1669). The Wellcome Collection

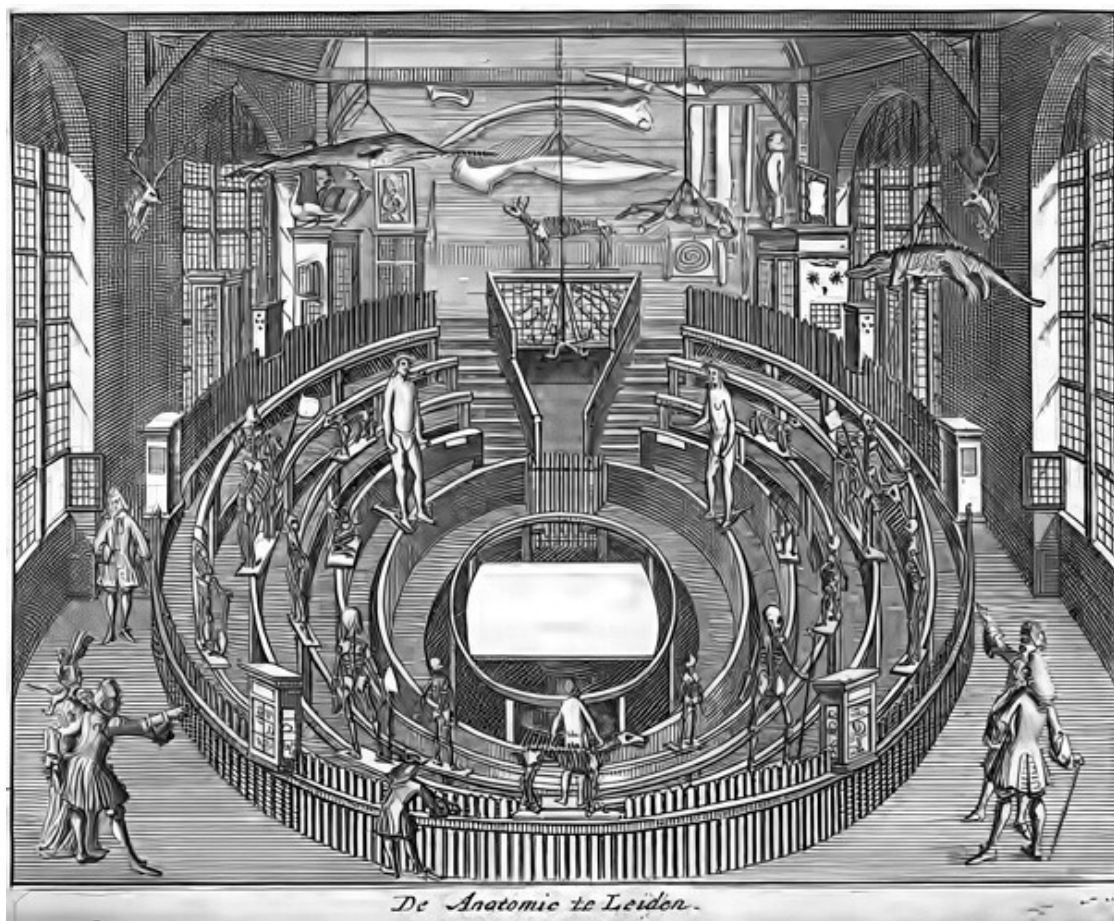
О том, что именно вызвало подобную трансформацию, нам говорит одна деталь на краю картины Рембрандта. В правом нижнем углу видна большая раскрытая книга – вероятнее всего, это труд Андреаса Везалия «О строении человеческого тела» (*De humani corporis fabrica*), изданный в 1543 году. Везалий работал над своим семитомным произведением в течение 30 лет с начала XVI века, и публикация ознаменовала окончательный отход от старых Галеновых анатомических моделей и утвердила эталон анатомического исследования, изучающего тело таким, каким оно было на самом деле, а не таким, как его представляли античные ученые. В числе прочего Везалий опроверг миф о том, что у мужчин на одно ребро меньше, чем у женщин, поскольку Бог взял у Адама ребро, чтобы создать Еву.

Это была великолепная, превосходно изданная книга, в полной мере отражавшая новейшие достижения художественной графики, граверного дела и книгопечатания. Самый роскошный ее экземпляр, в переплете из пурпурного шелка, с раскрашенными вручную иллюстрациями, был преподнесен императору Священной Римской империи Карлу V и помог амбициозному автору получить при императоре должность личного врача. Заметим, Везалий оказался совершенно прав, предположив, что набожный католик Карл V по достоинству оценит такой подарок, – и этот факт должен подсказать нам, что церковь в XVI веке, вопреки распространенному убеждению, вовсе не запрещала проводить вскрытия человеческих тел. В сущности, церковь никогда открыто не запрещала этого даже в Средние века. На самом деле причины были куда прозаичнее: родственники покойных, как правило, не желали, чтобы их близких расчленили после смерти. Кроме того, в Библии говорилось, что в день Страшного суда праведные воскреснут в свои тела, и, хотя считалось, что Бог может восстановить тело,

растерявшее некоторые части, многие люди не хотели рисковать⁴. Поэтому анатомам приходилось довольствоваться тем, что удалось раздобыть в больницах для бедняков или на эшафоте. По мере роста и развития городов трупов становилось все больше. С расцветом университетов, особенно в Италии, росло число студентов, желающих присутствовать на вскрытиях, и становилось все больше предприимчивых личностей, таких как Везалий (чьё имя переводится как «хорек»), которые понимали, что анатомия – это не только достойная наука, но и отличный бизнес.

Название «анатомический театр» подходило заведениям, о которых пойдет речь, как нельзя лучше, ведь они сочетали образовательный процесс со зрелищностью и науку с искусством. Самые известные примеры, такие как анатомические театры в Падуе, Лейдене и позднее в Лондоне, привлекали шумные толпы студентов-медиков и любопытных обывателей, жаждущих увидеть, как с тайн природы срывают последние покровы. Все анатомические театры имели одинаковую, проверенную временем конструкцию. В центре располагался стол для вскрытия, а вокруг него круто поднимались вверх расположенные концентрическими кругами ряды скамей. Популярные анатомические театры вмещали до нескольких сотен человек. В некоторых театрах для развлечения публики также демонстрировали природные диковины. В 1683 году Якобус Воорн опубликовал список «главнейших редкостей», выставленных в Лейденском анатомическом театре. Уже в вестибюле зрителей встречали голова и ноги слона, головы лося и носорога, скелет небольшого кита, извлеченный из брюха более крупного кита, и пара лыж – или, как называл их Воорн, «ходули... на которых норвежцы, лапландцы и финны с невероятной скоростью спускаются с высоких заснеженных гор» [16]. В главном помещении располагалось множество скелетов других животных, а также нескольких преступников, а в витринах и шкафах хранились прочие чудеса: «корень ревеня в виде собачьей головы», снова скелеты, куски янтаря, кожа рептилий и «мумия египетского принца, умершего более 1300 лет назад» [17]. Эти экспонаты выставляли в театре в летние месяцы, когда проводить анатомические сеансы становилось невозможно, поскольку тела слишком быстро разлагались и слишком дурно пахли.

⁴ Эта тема не давала покоя Джону Донну, меланхоличному поэту-проповеднику, чью статую можно увидеть в соборе Святого Павла. В своих проникновенных стихах и проповедях он размышлял о том, каким образом Богу удастся восстановить тело солдата, потерявшего руку в одном океане, а ногу в другом. Скептически настроенные родственники также могли вспомнить, что Иисус, согласно преданию, после воскресения явился святому Фоме и предложил ему вложить персты во вполне явные раны, оставшиеся после распятия.

Лейденский анатомический театр и экспонаты, выставлявшиеся в нем в летние месяцы. Гравюра. The Wellcome Collection

Гвоздем программы анатомического театра было непосредственное взаимодействие между анатомом и телом покойного. В XV и начале XVI веков оно происходило на целомудренном расстоянии. Врач-лектор, расположившись высоко на кафедре, зачитывал отрывки из анатомического учебника Галена, а в это время цирюльник-хирург выполнял всю грязную работу, связанную со вскрытием. Иногда рядом стоял еще один человек, с длинной палкой, и указывал зрителям на соответствующие части тела. Анатомический театр освещался свечами, и в зимних сумерках отличить близко уложенные внутренние органы один от другого было непросто.

Везалий стал одним из первых врачей, спустившихся со своего академического возвышения, чтобы лично и вплотную заняться трупом. На фронтиспise книги «О строении человеческого тела» он смотрит прямо на читателя, погружая руки в тело лежащей перед ним женщины. Вокруг толпятся зрители: показывают пальцами, стараются найти место, откуда будет лучше видно, некоторые даже толкаются, пытаясь устроиться под анатомическим столом. На плече у одного мужчины сидит обезьяна, а в углу гравюры собака явно надеется, что ей перепадет кусочек.

Спокойно взирая на этот хаос, анатом приводит в порядок кровавое месиво внутренностей, разделяя их на понятные, логически взаимосвязанные части. Каждое вскрытие производили примерно по одной и той же схеме, позволявшей максимально эффективно использовать драгоценный труп. В первую очередь рассматривали мягкие внутренние органы в средней части тела, разлагавшиеся быстрее всего. Затем следовали остальные части, включая сердце, а также мозг. Далее можно было без особой спешки изучать жилистые конечности: на другом портрете Везалий препарирует руку в спокойной обстановке своего кабинета.

Книга «О строении человеческого тела» и в целом растущая популярность анатомических вскрытий изменили врачебную практику. В некоторых случаях это сразу же принесло вполне осязаемые плоды. Например, Везалий точно изобразил защитные наружные оболочки мозга, и это позволило хирургам, имеющим дело с переломами черепа, аккуратно отделять вдавленные кости от хрупкого мозга и при необходимости зашивать расположенную под ними твердую мозговую оболочку. Но что еще важнее, анатомические исследования произвели переворот в сознании, вселив в ученых уверенность в том, что научному познанию доступны даже самые сокровенные тайны природы. Тело перестало быть запертым тайником – оно превратилось в непрочитанную книгу, и врачи стали ее толкователями. В течение XVII века новые поколения врачей публиковали все больше новых открытий о строении и работе мозга, нервов, сердца и репродуктивной системы. Семитомный труд Везалия стал главным справочным пособием для будущих врачей и хирургов, несмотря на то что он был напечатан общим тиражом менее 500 экземпляров и не переводился на английский язык [18]. В 1638 году для Компании цирюльников-хирургов на Монквелл-стрит в Лондоне построили расширенную и улучшенную версию знаменитого анатомического театра в Падуе [19].

Фронтиспис книги Андреаса Везалия «О строении человеческого тела». The Wellcome Collection

Но, хотя анатомия стремилась пролить свет на физиологию человека, у этого начинания была своя темная сторона. Анатомы отчаянно нуждались в трупах, особенно женских,

поскольку женщины гораздо реже умирали на эшафоте и имели куда меньше шансов затем быть отданными на изучение. Самой ценной добычей было тело беременной женщины – поистине редкая находка. В издании «О строении...» 1543 года Везалий беспечно признавался, что многие его ученики раскапывали могилы, чтобы добыть тела для его занятий, и похищали трупы не только взрослых, но и детей [20]. В издании 1555 года таких вопиющих подробностей уже не было – Везалий принял к сведению поднявшееся следом общественное негодование. Однако это не помогло: на врачей уже была брошена тень. В обществе поползли слухи, что анатомы не только закоренелые расхитители могил, но и, когда им не удастся ограбить кладбище, не брезгуют вивисекцией.

Первое из этих обвинений, вероятно, было справедливым, особенно на континенте, где частные анатомические театры могли приносить огромные прибыли всем участникам процесса (всем, кроме главного аттракциона). Доказать второе утверждение – что анатомы якобы препарировали живых людей – было сложнее. Стремясь удовлетворить свое любопытство, ученые эпохи Возрождения нередко проводили ужасающе жестокие опыты на животных. Они регулярно резали живых собак, обезьян и свиней. Иногда они меняли местами их внутренние органы и снова зашивали бедное создание, но чаще позволяли ему умереть. Хотя к животным в этот период относились без особого трепета, многие держали комнатных собачек или обезьян, и люди, способные игнорировать жалобные крики этих существ, вызывали недоумение. Отталкивающим казалось и их макабрическое желание заполучить как можно более свежий труп. В 1565 году французский дипломат Юбер Ланге в письме к своему другу-врачу Касперу Пейцеру делился сплетней о том, почему Везалию год назад пришлось спешно уехать из Испании. Как утверждал Ланге, «его заботам был вверен один испанский дворянин, и, когда Везалий посчитал его умершим... он попросил у родственников покойного разрешения вскрыть тело. Он получил это разрешение, но, разрезав грудную клетку, обнаружил, что сердце *все еще бьется*» [21]. В другой раз Габриэле Фаллопио (человек, в честь которого были названы фаллопиевы трубы), решив обойтись без посредников, убедил великого герцога Тосканского отдать непосредственно ему в руки приговоренного к смерти преступника, чтобы убить его, а затем произвести вскрытие. Он дал приговоренному две драхмы опиума, но тот не умер. Они заключили сделку: он даст ему еще две драхмы, и, если тот снова выживет, Фаллопио попытается добиться для него помилования у герцога. Однако человек умер, и Фаллопио получил свой драгоценный труп [22].

В Англии все было устроено несколько более формально, но это в целом не меняло дела. Охваченные азартом анатомы точно так же при всяком удобном случае старались выйти за рамки дозволенного, чтобы получить как можно больше свежих и разнообразных образцов тел. В конечном счете это несколько подпортило триумф анатомической революции: объем накопленных медицинских знаний рос, но вместе с ним росло и недоверие общества к врачам. В 1594 году современник Шекспира Томас Нэш подлил масла в огонь, опубликовав нашумевший роман «Злосчастный странник». Его герой, незадачливый путешественник Джек Уилтон, то и дело попадает в разные неприятности во время поездки по Италии и наконец оказывается в руках беспринципного врача-католика, замышляющего использовать его в качестве центрального экспоната на анатомической выставке (английские драматурги никогда не упускали случая сказать о папистах какую-нибудь гадость). Запертый в ожидании своей участи, Джек думает:

Нет проще способа сделать человека истинным христианином, чем убедить его, что его сдадут в анатомический театр. Готов поклясться под присягой: за это время я произнес больше молитв, чем за все семь предыдущих лет. Стоило капле пота сбежать по моей груди или бокам, и я тут же представлял, как будет скользить по моей груди и бокам остро заточенный

скальпель. Стоило кому-нибудь постучать в дверь, и я воображал, что это явился за мной посыльный из Хирургической палаты [23].

Джек все же смог избежать ужасной участи с помощью ловкой куртизанки, но рассказанная Нэшем история произвела на публику огромное впечатление. В конце концов, что отличало вивисектора от хирурга, кроме благих намерений последнего? Это также показывает, как тесно в тот период были переплетены разные области знания. Медицина была частью *ars scientia*, буквально «искусства познания», и общество в XVI–XVII веках сочло бы странным, если бы образованный человек интересовался только точными науками и математикой или, наоборот, только искусством и литературой. Литераторы воспринимали медицину и науку как увлекательный способ осмысления мира, их стихи и пьесы были переполнены отсылками к астрономии, физике, анатомии и химии. Авторы медицинских трудов, в свою очередь, строили свои произведения по законам драмы, представляя тело как загадку, требующую разгадки, а новые открытия как захватывающие повороты сюжета. Это разительно отличалось от следующих столетий (включая наши собственные), когда система образования и производства с ее разделением на гуманитарные и технические науки приучила художников и ученых держаться подальше друг от друга.

На протяжении всего XVII века анатомическая практика процветала. Ученые проводили вскрытия, чтобы проследить путь нервов и определить, как живые существа испытывают боль. Другие пытались разгадать, как женщины вырабатывают грудное молоко и как младенцы дышат в утробе матери. В 1660-х годах Уильям Гарвей произвел революцию в понимании кровообращения, показав, что сердце перекачивает кровь через легкие и по всему телу. Вместе с тем словом «анатомия» стали обозначать все необычное и диковинное в более широком смысле – авторы одну за другой публиковали «анатомии» меланхолии, растений, религии, атеизма, нравов, политики, военного дела, Ирландии, остроумия, писательского мастерства и искусства жонглирования. (Последняя книга оказалась настолько популярной, что выдержала восемь изданий, – очевидно, любовь к жонглированию передается через века.)⁵ Это была эпоха, девизом которой стали открытие, исследование, эксперимент и поиск истины – бесконечный и ненасытный.

⁵ *Hocus Pocus Junior. The Anatomy of Legerdemain; or, The Art of Jugling* (Фокус Покус – младший. Анатомия ловкости рук, или Искусство жонглирования). Строго говоря, жонглированием в этот период называли любые виды фокусов и легких развлекательных представлений. Свое нынешнее, более конкретное значение термин приобрел только в XIX веке.

1. Здоровье начинается дома: домашние целители

18 октября 1711 года. Элизабет проводит пальцами по доверху набитым полкам своей кладовой. Здесь все аккуратно расставлено по порядку. Она проверяет запасы лекарств и записывает количество каждого в дневник:

114 кварт крепкого кордиала
36 пинт обычного кордиала
56 кварт сиропов разных сортов
Сверх того около четырех дюжин бутылок холодной дистиллированной воды

В другом маленьком шкафу, что стоит в задней комнате, около дюжины полных бутылок емкостью в кварту. И три корзины пустых бутылок емкостью в кварту⁶ и пинту⁷. Сверх того одна глубокая лохань, полная пустых бутылок, и неглубокая кадка, а в ней еще сколько-то пустых бутылок [1].

Галлоны лекарственных препаратов. Сотни ингредиентов. Без счета часов работы. У каждой бутылки своя история: этот рецепт получен от подруги, тот – от служанки, одни снадобья приготовлены послаще – для ее маленького мальчика, другие покрепче – для ее крепкого мужа. Все вместе они рассказывают историю ее собственной долгой жизни – шестидесяти девяти беспокойных, полных злоключений лет. Сейчас зрение едва позволяет ей различать этикетки на бутылках. К счастью, она и без того наизусть знает, что находится в каждой из них.

* * *

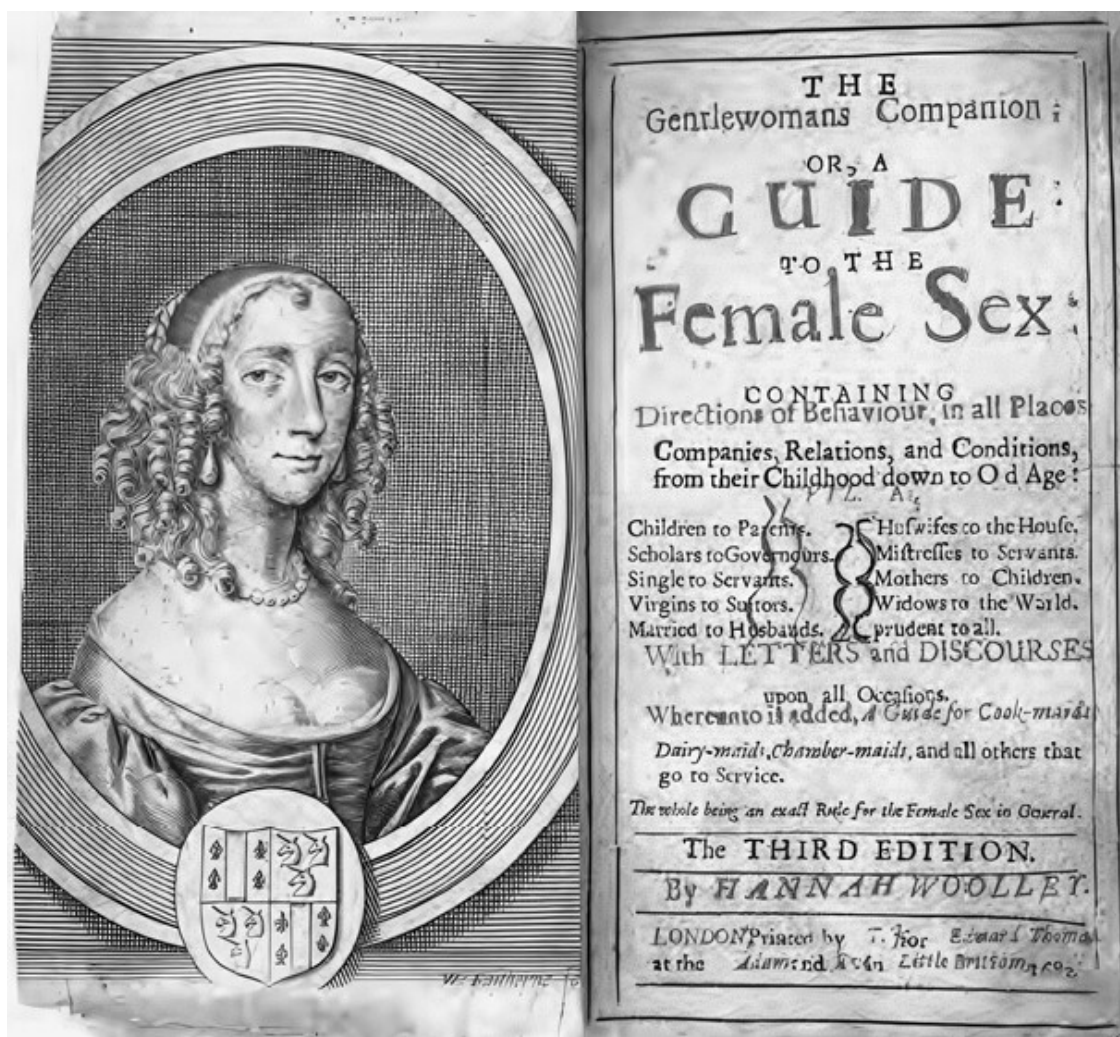
Элизабет Фреке была сложной женщиной. Она была умна – но принимала ужасные решения, она была романтична – но ненавидела своего супруга. Она написала для потомков историю своей жизни, но добавила к мемуарам циничный подзаголовок «Воспоминания о некоторых моих злосчастиях». При всем этом она была искусной травницей и преданной своему делу домашней целительницей. Ее бурная история позволяет нам краем глаза увидеть, как на самом деле жилось женщинам в то время и как они негласно господствовали в медицине эпохи Возрождения.

Эта история началась в 1671 году в «прескверный, сырой и дождливый день» в лондонском Ковент-Гардене, где «без ведома и согласия моего дорогого батюшки или кого-либо из лондонских друзей» Элизабет тайно встретила и обручилась со своим троюродным братом, Перси Фреке из графства Корк [2]. В 30 лет она была относительно зрелой невестой, и, казалось, это был брак по любви: Элизабет с ее милым округлым лицом, мягкими локонами и острым умом и Перси с ирландским акцентом и серьезными политическими амбициями. Они были помолвлены много лет, и все это время Перси носил разрешение на брак в кармане [3]. Но сладость романтики вскоре сменилась горечью. После свадьбы Элизабет довольно быстро осознала, что ее муж не трепетный влюбленный, а бесцеремонный карьерист, готовый локтями прокладывать себе дорогу в жизни. Пользуясь тем, что законы давали мужьям право почти неограниченно распоряжаться собственностью жен, он начал распродавать имущество, которое передавал Элизабет ее любящий отец Ральф. Перси требовал, чтобы Элизабет сопровож-

⁶ Кварта – единица объема, применяемая в США, Великобритании и других странах для измерения сыпучих или жидких объемов, равная четверти галлона. Британская имперская кварта составляет 1,1365 л. – *Прим. ред.*

⁷ Пинта – единица объема в английской системе мер. Используется в основном в США, Великобритании и Ирландии. Британская имперская пинта составляет примерно 0,568 л. – *Прим. ред.*

дала его в поездках в мрачное родовое поместье к сварливой свекрови, или, еще хуже, мог на несколько месяцев оставить ее в одиночестве, пока сам был занят попытками сделать себе имя в ирландской политике. В 1675 году Элизабет родила сына, которого назвала Ральфом в честь собственного отца, но радость длилась недолго – следующие два года ребенок провел на грани жизни и смерти, одолеваемый то одним, то другим недугом, а его измученная мать за это время пережила несколько выкидышей. В 1677 году Элизабет снова родила, но после «тяжелых родов и череды нервных потрясений» ее сын «родился мертвым и был похоронен за алтарем церкви Святого Джайлса в Лондоне» [4]. Если Перси и был рядом с ней, чтобы разделить ее горе, она не посчитала нужным упомянуть об этом.

Фронтиспис книги «Спутница благородной дамы, или Путеводитель для женщин». Книга была опубликована под именем Ханны Вулли, но сама Вулли позднее опровергла свое авторство. The Wellcome Collection

Брак четы Фреке оказался на редкость хорошо задокументирован, но в остальном был, к сожалению, вполне типичным. В эпоху Возрождения существовало немало счастливых, равноправных союзов. Жена Оливера Кромвеля, Элизабет, писала ему: «Поистине, моя жизнь – лишь половина жизни, когда тебя нет рядом» [5]. Сэмюэль Пипс, несмотря на привычку заглядываться (и не только заглядываться) на хорошеньких женщин, не раз упоминал, как часами «гулял с женой в саду при дивном лунном свете» [6]. Но для женщин брак становился лотереей, в которой многое зависело от темперамента возлюбленного, поскольку в XVI–XVII веках с юридической точки зрения они были собственностью своих супругов. Муж мог относительно

безнаказанно избивать свою жену, а если она вдруг умирала во время «необходимого вразумления» – что ж, тем хуже для нее [7]. Все, что женщина приносила в брак, а также все, что ей удавалось заработать в будущем, принадлежало ее мужу. Фреке вполне могла бы стать богатой женщиной. Старшая из четырех выживших детей (из десяти), она была любимицей своего овдовевшего отца, и он не раз дарил ей закладные и доверенности, а также крупные суммы денег, каждый раз заклиная ее держать это в тайне. Но по причинам, которые она сама не могла объяснить, она всегда рассказывала об этих подарках Перси, и он тут же спускал все до последнего пенни на покупку дешевых земель, конфискованных у католиков в Ирландии. Отчаявшись, отец наконец ссудил Перси деньгами на приобретение поместья из шести ферм в Вест-Билни в Норфолке. Перси получал ежегодную ренту, а взамен поместье «было отписано» Элизабет, обеспечив ей место жительства.

Что касается самой Фреке, она была несколько более неуживчивой личностью, чем можно заключить из ее мемуаров, и нередко ввязывалась в мелкие ссоры с друзьями и соседями. В 1708 году, уже будучи вдовой весьма почтенных лет, она попала под арест. В ее дневнике подробности изложены вскользь, но можно предположить, что она каким-то образом нарушила общественный порядок, возможно поспорив с кем-то из-за денег. Позднее, описывая этот случай, Элизабет продемонстрировала свой далеко не ангельский характер, торжествуя замечая, что Бог справедливо наказал ее обвинителя, поскольку «у него выпал один глаз, а примерно через три месяца умерла жена»⁸. Тщательное изучение ее бумаг также показывает, что много лет спустя она заново переписывала и местами исправляла первоначальные заметки, чтобы подсветить одни детали своей биографии и затушевать другие. В более поздней версии мемуаров Перси из ненавистного мучителя становится «дорогим», хотя и заблудшим спутником жизни, а сама она – любящей, терпеливой и преданной женой.

Когда брак складывался неудачно, супругам приходилось искать другие способы стать счастливыми. Развод был, по сути, невозможен – добиться его мог только мужчина и то лишь в случае, если он был баснословно богат и вдобавок готов согласиться на публичное унижение, в подробностях рассказав Парламенту о неверности своей жены. Первый развод был дан всего за год до свадьбы Перси и Элизабет, и для его оформления потребовалось несколько парламентских актов [8]. Аннулирование брака допускалось крайне редко и только если при этом было твердо доказано, что мужчина страдает импотенцией, или если один из супругов на момент свадьбы уже состоял в браке с другим человеком. Поэтому, пока мужчины коротали время за деловыми хлопотами, в трактирах, борделях или на охоте, женщины находили себе утешение в стенах дома, превращая немногочисленные занятия, «подобные» их полу, в настоящее искусство.

⁸ Вдобавок, после того как у этого человека выпал глаз, его зять сбежал с любовницей в Вест-Индию, бросив на родине его дочь, а еще один человек, который «лжесвидетельствовал» против Фреке, скоропостижно скончался. Эти новости доставили ей большое удовольствие (Freke, 139).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.